

Кассирер Эрнст

**Познание и
действительность. Понятие о
субстанции и понятие о
функции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э81

Э81 **Эрнст К.**
Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции /
Кассирер Эрнст – М.: Книга по Требованию, 2022. – 454 с.

ISBN 978-5-519-88576-8

ISBN 978-5-519-88576-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тію о познанні дѣйствительности. Первоначальная противоположность развернулась здѣсь во множество различныхъ проблемъ, которыя, однако, соотнесены другъ съ другомъ и связаны въ одно логическое единство благодаря тому общему исходному пункту, въ которомъ онѣ берутъ начало. Повсюду на протяженіи исторіи философіи, гдѣ только ни поставленъ вопросъ объ отношеніи между мышленіемъ и бытіемъ, между познаніемъ и дѣйствительностью, повсюду этотъ вопросъ уже въ своей первоначальной формулировкѣ зависитъ отъ опредѣленныхъ логическихъ предпосылокъ, опредѣленныхъ взглядовъ на природу понятія и сужденія. Всякое измѣненіе въ этихъ основныхъ взглядахъ отражается сейчасъ же косвеннымъ образомъ и на общей постановкѣ этого вопроса. Система познанія не допускаетъ ни одного изолированного «формальнаго» опредѣленія, которое бы не сказывалось затѣмъ на всей совокупности проблемъ познанія и ихъ рѣшеній. Составленная себѣ изслѣдователемъ концепція объ основной формѣ понятія непосредственно переходитъ поэтому въ обсужденіе тѣхъ «реальныхъ» вопросовъ, которые по традиціи относятся къ «критикѣ познанія» или къ «метафизикѣ». Во второй части этой книги я пытаюсь показать, какъ измѣняются съ точки зрѣнія общей концепціи, полученной въ критикѣ точныхъ наукъ, эти вопросы и какъ въ то же время рѣшеніе ихъ получаетъ новое направленіе. Поэтому объ части, несмотря на кажущееся различіе содержанія, тѣсно связаны между собой по проникающему ихъ основному философскому намѣренію: онѣ пытаются представить одну и ту же проблему, которая, исходя изъ нѣкотораго твердаго средоточія, непрерывно расширяется, втягивая въ кругъ своего вѣдѣнія все болѣе обширныя и конкретныя области.

Эрнстъ Кассиреръ.

Берлинъ, іюль 1910 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

**Понятія о вещахъ и понятія объ
отношеніяхъ.**

(DINGBEGRIFFE UND RELATIONSBEGRIFFE),

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Къ теоріи образованія понятій.

Философія нашего времени начинаетъ мало-по-малу занимать новое положеніе относительно основъ теоретическаго знанія. Это новое положеніе, можетъ быть, ни въ чемъ не обнаруживается такъ отчетливо, какъ въ преобразованіи, которому подверглись при немъ главныя ученія формальной логики. Казалось, что въ одной логикѣ развитіе философской мысли нашло, наконецъ, надежное убѣжище; казалось, что здѣсь передъ нами та область, которая защищена и гарантирована отъ сомнѣній, никогда не перестававшихъ подниматься противъ различныхъ теоретико-познавательныхъ воззрѣній и ученій. Мнѣніе Канта, что здѣсь окончательно достигнуто непрерывное и спокойное развитіе науки, казалось, такимъ образомъ, непоколебимымъ, неизблемымъ. Съ этой точки зрѣнія даже тотъ фактъ, что логика, не сдѣлавшая со времени Аристотеля ни одного шага назадъ, не сдѣлала также ни одного шага впередъ, долженъ былъ разсматриваться, какъ подтвержденіе ея своеобразнаго характера достовѣрности. Незатрагиваемая движеніемъ жизни, неподверженная процессу непрерывнаго преобразованія, присущаго всякому реальному (gegenständlich) знанію, логика одна, казалось, оставалась однообразной, неизмѣнной.

Но если приглядѣться внимательнѣе къ ходу научнаго развитія за послѣднія десятилѣтія, то и формальная логика предстанетъ передъ нами въ совсѣмъ иномъ освѣщеніи. Мы увидимъ, что она

повсюду кишить новыми постановками вопросов и что въ ней царятъ новыя идейныя тенденціи. Все больше и больше разрушается та работа, которая была потрачена въ теченіе столѣтій на формулировку основныхъ ученій; и въ то же время выступаютъ тѣ многочисленныя проблемы, которыя получились въ результатѣ сопоставленія съ общимъ математическимъ ученіемъ о многообразіи. Это ученіе все болѣе и болѣе раскрывается передъ нами, какъ та общая цѣль, къ которой одинаково стремятся различныя логическія проблемы, трактовавшіяся прежде раздѣльно, и благодаря которой онѣ получаютъ свое идеальное единство. Но благодаря этому логика выходитъ въ то же время изъ своего состоянія обособленности; она снова оказывается передъ конкретными задачами и работами. Дѣло въ томъ, что современное ученіе о многообразіи не ограничивается однѣми, чисто-математическими, проблемами; оно вырастаетъ до размѣровъ универсальной дисциплины, которая простирается даже до проблемъ спеціальной методики познанія природы. Но та систематическая координатія, въ которую вовлекается такимъ образомъ логика, требуетъ и новаго анализа ея предпосылокъ. Иллюзія безусловной достовѣрности пропадаетъ; критика начинаетъ направляться на такія доктрины, которыя, несмотря на глубокія принципиальныя измѣненія самого общаго идеала познанія, сумѣли сохранить, казалось, неизмѣннымъ и постояннымъ свой историческій составъ (Bestand).

Аристотелевская логика представляетъ въ своихъ общихъ принципахъ точное выраженіе и отраженіе аристотелевской метафизики. Ее съ ея своеобразными мотивами можно понять лишь въ связи съ тѣми воззрѣніями, на которыхъ покоится эта послѣдняя. Ученіе о сущности и о расчлененіи бытія обуславливаетъ собой ученіе объ основныхъ формахъ мышленія. При дальнѣйшемъ развитіи логики связь съ спеціальной формой аристотелевской онтологіи начинаетъ, правда, ослабѣвать; но тѣмъ не менѣе сохраняется связь съ ея общими основными воззрѣніями, и она на опредѣленныхъ поворотныхъ пунктахъ историческаго развитія выступаетъ каждый разъ снова во всей своей характерной отчетливости. На эту связь указываетъ уже одинъ фактъ того кардинальнаго значенія, которое приписывается въ системѣ логическихъ по-

знаній теоріи понятія. Правда, при сучасних тенденціях реформувати логіку, намагались змінити в цьому пункті традиційну ієрархію проблем, передполагаючи ученню о понятті ученіє о сужденіі. Но какой плодотворной пи оказалась эта точка зрѣнія, она не смогла сохраниться во всей своей чистотѣ подъ напоромъ систематической тенденціи, господствовавшей надъ старымъ дѣленіемъ. Идейное давленіе, подъ которымъ находились еще всѣ эти попытки новшества, сказалося вскорѣ в томъ, что въ само ученіе о сужденіи стали сызнова проникать черты, которыя можно было вполнѣ понять и обосновать лишь съ помощью традиціонной теоріи о родовомъ понятіи (*Gattungsbegriff*). Такимъ образомъ, *implicite* снова признавалось то самое доминирующее положеніе понятія, которое пытались преодолѣть; змінився не матеріальний центр тяжести системы, но лишь вѣншнее расчлененіе ея елементовъ. Поэтому всѣ критическія попытки преобразованія логіки должны сконцентироваться на этомъ единственномъ пунктѣ: критика формальной логіки сводится къ критикѣ общаго ученія объ образованіи понятія.

Основные черты этого ученія извѣстны и не нуждаются въ подробномъ изложеніи. Его предпосылки такъ просты и ясны, такъ согласуются съ основными допущеніями обычнаго міровоззрѣнія, что едва ли, повидимому, найдется въ нихъ такое мѣсто, гдѣ можно подойти къ нимъ съ критическимъ анализомъ. Вѣдь въ дѣйствительности здѣсь предполагается лишь наличность самихъ вещей въ ихъ, на первый взглядъ, необозримомъ многообразіи и способность духа извлекать изъ этой массы индивидуальныхъ единичныхъ существованій тѣ моменты, которые общи множеству подобныхъ существованій. Соединяя, такимъ образомъ, въ классы объекты, обладающіе однимъ и тѣмъ же общимъ свойствомъ, и продолжая повторять этотъ процессъ на высшихъ ступеняхъ, мы получаемъ мало-по-малу все болѣе прочную классификацію и расчлененіе бытія по градаціямъ вещественныхъ сходствъ, обнаруживающихся въ отдѣльныхъ вещахъ. Основные функціи мышленія сводятся здѣсь исключительно къ процессу сравненія и различенія данныхъ чувственныхъ многообразій. Рефлексія, обращающаяся то къ одному объекту, то къ другому, чтобы убѣдиться въ суще-

ственныхъ чертахъ ихъ сходства, ведетъ сама по себѣ къ абстракціи, которая очищаетъ всѣ эти родственныя черты отъ различныхъ примѣсей несходныхъ составныхъ частей и такимъ образомъ ихъ выдѣляетъ.

Эта концепція—и въ этомъ, повидимому, заключается ея своеобразное преимущество и оправданіе—нигдѣ такимъ образомъ не нарушаетъ и не портитъ единства естественнаго образа міра. Понятіе не является чѣмъ-то чуждымъ міру чувственной дѣйствительности, оно образуетъ часть самой этой дѣйствительности, экстрактъ изъ того, что содержится въ ней непосредственно. Въ этомъ отношеніи понятія точныхъ математическихъ наукъ стоятъ на одномъ уровнѣ съ понятіями описательныхъ наукъ, занимающихся исключительно обозрѣніемъ и классификаціей даннаго. Подобно тому, какъ мы образуемъ понятія о деревѣ, извлекая изъ совокупности дубовъ, буковъ, березъ и т. д. всю массу ихъ общихъ признаковъ, такъ точно мы образуемъ и понятіе о плоскомъ четырехугольникѣ, изолируя то особое свойство, которое фактически имѣется—и можетъ быть непосредственно и наглядно показано—въ квадратѣ и прямоугольникѣ, въ ромбѣ и ромбоидѣ, въ симметрическихъ и асимметрическихъ трапеціяхъ и трапецоидахъ *).

На этой основѣ сами собою получаютъ извѣстные главные положенія теорія понятія. Любой рядъ сравнимыхъ объектовъ обладаетъ высшимъ родовымъ понятіемъ, содержащимъ въ себѣ всѣ общія этимъ объектамъ черты; съ другой же стороны, оперируя чертами, которыя свойственны лишь одной какой-либо части сравниваемыхъ элементовъ, мы получимъ внутри высшаго рода видовыя понятія различной степени общности. Отъ какого-нибудь вида мы поднимаемся къ вышестоящему роду, отбрасывая нѣкоторый опредѣленный признакъ и привлекая такимъ образомъ къ разсмотрѣнію большую массу объектовъ. И, обратно, специализація рода совершается путемъ присоединенія новыхъ признаковъ. Если назвать, соотвѣтственно съ этимъ, совокупность признаковъ какого-нибудь понятія величиной его содержанія, то ясно, что эта

*) См., напримѣръ, Drobisch, „Neue Darstellung der Logik“, 4 Aufl., Leipzig, 1875, § 16 и сл.; Ueberweg, „System der Logik“, Bonn, 1857, § 51 и сл.

величина растетъ при переходѣ изъ высшаго понятія къ низшему, причемъ уменьшается количество видовъ, охватываемыхъ этимъ понятіемъ. Эта величина уменьшается, когда мы переходимъ къ высшему роду, охватывая теперь большое количество видовъ. Большему объему соответствуетъ, такимъ образомъ, постоянно уменьшающееся содержаніе, такъ что, въ концѣ концовъ, самыя общія понятія, къ которымъ мы можемъ придти, не обладаютъ уже никакими отличительными особенностями. Построемая нами такимъ образомъ „пирамида понятій“ заканчивается наверху абстрактнымъ представленіемъ о „нѣчто“, представленіемъ, которое благодаря своему всеобъемлющему характеру, позволяющему подводить подъ него любое мыслительное содержаніе, лишено въ то же время какого бы то ни было специфическаго значенія.

Но именно въ этомъ пунктѣ, къ которому традиціонное логическое ученіе о понятіи приходитъ съ внутренней необходимостью, поднимается первое сомнѣніе въ его безусловномъ значеніи и примѣнимости. Если цѣль, къ которой приводитъ, въ концѣ концовъ, этотъ методъ образованія понятій, упирается въ пустоту, то неизбежно возникаютъ и сомнѣнія въ цѣлесообразности всего ведущаго къ этому пути. Подобный результатъ былъ бы невыносимъ, если бы мы исполняли на каждомъ своемъ шагѣ тѣ требованія, которыя мы обыкновенно предъявляемъ всякому плодотворному, конкретно-научному образованію понятій. Отъ научнаго понятія мы прежде всего требуемъ и ждемъ, чтобъ оно поставило на мѣсто первоначальной неопредѣленности и многозначности содержанія представленій строго однозначное опредѣленіе, между тѣмъ здѣсь, какъ мы видимъ, чѣмъ больше мы примѣняемъ указанный нами логическій процессъ, тѣмъ болѣе, повидимому, стираются рѣзкія границы. И даже съ имманентной точки зрѣнія формальной логики возникаетъ сейчасъ же новая проблема. Если всякое образованіе понятія состоитъ въ томъ, что мы отбираемъ въ массѣ лежащихъ передъ нами объектовъ одни лишь общіе признаки, оставляя прочіе нетронутыми, то ясно, что путемъ такой редукціи мы на мѣсто первоначальной конкретной совокупности ставимъ голый частичный составъ. Но эта часть заявляетъ притязаніе господствовать надъ всѣмъ цѣлымъ и объяснять его. Понятіе ко-

теряло бы все свое значеніе, если бы оно обозначало одно лишь устраненіе частныхъ случаевъ, изъ разсмотрѣнія которыхъ оно исходитъ, и какъ бы уничтоженіе ихъ своеобразія. Актъ отрицанія долженъ скорѣе быть выраженіемъ нѣкоторой исполнѣйшей положительной работы: то, что остается, не является какой-то произвольно выхваченной частью, но представляетъ „существенный“ моментъ, опредѣляющій все цѣлое. Высшее понятіе дѣлаетъ понятнымъ низшее, вскрывая основаніе его особаго образа и формы. Но традиціонное правило для образованія родовыхъ понятій не содержитъ въ себѣ никакихъ гарантій, что эта цѣль дѣйствительно достигается. Дѣйствительно, ничто не ручается намъ за то, что извлекаемые нами изъ любого комплекса объектовъ общіе признаки содержатъ именно тѣ характерныя черты, которыя господствуютъ и опредѣляютъ собою совокупную структуру членовъ комплекса. Если—пользуясь мѣткимъ примѣромъ Лотце—мы подводимъ вишни и мясо подъ группу красныхъ, сочныхъ, съѣдобныхъ тѣлъ, то мы такимъ путемъ получаемъ не какое-нибудь пригодное логическое понятіе, а лишь ничего не значущій наборъ словъ, не дающій намъ ровно ничего для пониманія отдѣльныхъ случаевъ. Такимъ образомъ, ясно, что общее формальное правило само по себѣ недостаточно, что скорѣе оно молчаливо дополняется какимъ-то другимъ логическимъ критеріемъ.

Въ системѣ Аристотеля этотъ критерій лежитъ на виду: оставшіяся въ логикѣ пробѣлы и здѣсь опять-таки сейчасъ же заполняются аристотелевской метафизикой. Ученіе о понятіи и есть собственно то, что связываетъ, прикрѣпляетъ другъ къ другу обѣ эти области. Для Аристотеля, во всякомъ случаѣ, понятіе не есть голая субъективная схема, въ которой мы объединяемъ общіе элементы какой-нибудь любой группы вещей. Это извлеченіе общихъ признаковъ было бы пустой игрой мысли, если бы въ основѣ его не лежало допущеніе, что то, что получается такимъ образомъ, есть въ то же время реальная форма, служащая намъ порукой за каузальную и телеологическую связь отдѣльныхъ вещей. Настоящіе и послѣдніе общіе элементы вещей это въ то же время творческія силы, изъ которыхъ онѣ вытекаютъ и сообразно которымъ онѣ формируются. Процессъ сравненія вещей и ихъ